

П И О Н Е Р

Октябрь

Издательство „Правда“. 1944 г.

10

Годовщина Октября

С. Маршак

Вольный ветер веет с моря,
Слышен мерный плеск реки.
В Ленинграде на «Авроре»
По снастям бегут флажки.

Офицеров, краснофлотцев
Командир собрал сейчас
Слушать слово полководца —
Новый сталинский приказ.

Так же веял ветер вольный,
Волны пенила Нева
В день, когда кипящий Смольный
Слушал Ленина слова.

В дни великих побед

Грохочут мощные залпы салюта. Осеннее мглистое небо пламенеет огнями ракет. Грозные вспышки, как далёкие отблески сражений, перебегают по тучам.

Поколение за поколением будет переноситься мыслями к дням огромной, небывалой славы, которые переживаем сейчас мы.

Приказ Верховного Главнокомандующего только что возвестил о новой победе. Затаив дыхание, взволнованный и серьёзный, ты передвигаешь флажок на своей карте. Ты смотришь на гладкую бумажную поверхность и пытаешься представить себе, что там, на настоящем поле боя, как он выглядит, этот кусок отвоеванной земли. Твоя карта говорит: там горы. Каким они? По каким ущельям шли в наступление танки? С каких круч била наша артиллерия по укреплениям врага? Когда, днём или ненастной, тёмной ночью, форсировали наши бойцы этот укрепленный водный рубеж, эту бурную реку, эту тоненькую голубую линию на твоей карте?

Труднейшие тактические задачи приходится решать нашим генералам и офицерам. Они руководят сражениями на самых разнообразных плацдармах — в лесах, в степях, в болотистых топях, на улицах городов. Они высаживают десанты на морских побережьях, водят в головокружительные рейды полчища танков. Война ведь идёт на огромном пространстве, и те условия, в которых приходится воевать в Венгрии, например, совсем непохожи на то, что встречаются наши бойцы на пустынном побережье Баренцова моря. И всюду наше командование проявляет блистательное военное мастерство, победоносно проводит сложнейшие операции. Всюду наши бойцы сражаются с непревзойдённым мужеством и умением.

Далеко продвинулись флажки на твоей карте.

Вперёд и вперёд идёт Красная Армия, спасая человечество от фашистского зверя. Беспощадно били мы немцев, освобождая нашу родную землю. Теперь мы бьём врага на его же земле: по полям Восточной Пруссии ведут наши отважные командиры закалённых в битвах солдат. Мы бьём немцев в Румынии, в Польше, в Чехословакии. Вместе с Народно-освободительной армией Югославии мы выбиваем их с Балкан.

Ни одна армия в мире не могла бы совершить того, что совершает наша армия, армия свободного народа. Только советский строй мог создать такую мощь фронта и тыла. И поэтому сейчас, в дни побед и славы, мы с особым торжеством празднуем годовщину Октябрьской социалистической революции.

Мы побеждаем сейчас потому, что победили 27 лет назад. Потому, что 7 ноября 1917 года трудящиеся нашей страны под руководством большевистской партии, под руководством Ленина и Сталина взяли власть в свои руки и создали могучее советское государство.

Советская власть спасла нашу родину в 1917 году, когда страна была разорена войной и окружена врагами. Советская власть сделала её свободной, непобедимой, счастливой, богатой. И никому не отдадим мы завоеваний Октября.

Ленин и Сталин привели наш народ к победе в 1917 году. Верный заветам Ленина, Сталин ведёт нас сегодня.

Пионерский салют Великой Октябрьской социалистической революции!

Пионерский салют победоносной Красной Армии!

Пионерский салют великому вождю и полководцу — нашему Сталину!

Семиклассницы

Из повести М. Прилежаевой

Рис. Б. Винокурова

Наташа боялась, что все уставятся на неё, когда она войдёт в класс. Она постояла в коридоре, пристально изучая картину, нарисованную прямо на стене. Река на картине была голубая, широкая и совсем непохожая на нечаевскую реку с осокой и кубышками.

Раздался звонок, и Наташа пошла в класс. Все действительно уставились на неё с вёсёлым любопытством и вслух обменивались впечатлениями:

— Новенькая!.. Волосы распустила... Директор увидит, заставит заплести... И без книжек пришла...

Наташа изо всех сил старалась сохранить выражение спокойного безразличия на лице. Ей мешали руки, которые некуда было деть.

Вдруг раздался спасительный возглас:

— Тихонова! В один класс попали! Садись ко мне.

Наташа увидела Тасю Добросклонову и заулыбалась ей с таким искренним расположением, какого никогда не испытывала к Тасе в интернате. Она села за тасину парту и с удовлетворением отметила, что до учительского стола приличное расстояние, а слева из окна великолепный вид на переулок. Она не успела сказать что-нибудь приятное Тасе, потому что вошла учительница. Наташа в изумлении толкнула Тасю локтем. Вошла Зинаида Рафаиловна, чудеснейшая Зинаида Рафаиловна, учительница географии. Она была прежняя, вся известная наизусть, со своим большим носом, с густыми белыми, без блеска волосами и такими же белыми бровями. До войны, до эвакуации у Зинаиды Рафаиловны учились и Наташа, и Катя, и все ребята со всех ближайших переулков.

Зинаида Рафаиловна рассказывала удивительные истории. Ни на одном уроке ребята не забывали, что идёт урок, а у неё

забывали. Зинаида Рафаиловна лукаво щурила живые, умные глаза. Она ни разу не сказала классу: «Тише!» «А знаете, — говорила Зинаида Рафаиловна, — вот в Индии...» Она брала указку и свободно путешествовала по земному шару.

Ребята любили умную непривлекательность Зинаиды Рафаиловны. Учительница географии не могла быть никакой другой.

Наташа приподнялась на парте, хлопнула крышкой, села на кончик скамьи и вытянулась к учительскому столу — всё это, чтоб попасться на глаза учительнице, но Зинаида Рафаиловна безразлично скользнула по её лицу взглядом. Зато высокая девочка впереди обернулась и сердито нахмурила брови:

— Не скрипи, а то запишу тебе дисциплину.

У девочки были недобрые, зелёные глаза. Тася тут же объяснила шопотом:

— Валька Кесарева. Отличница, да ещё и староста вдобавок.

Наташа пренебрежительно усмехнулась. К ней снова вернулась привычная независимость суждений и поступков. Она была рада, что встретила с Тасей: всё-таки не все незнакомые, а неожиданное появление Зинаиды Рафаиловны делало школу по-старому привычной. И в классе всё было, как до войны: потёртая чёрная доска и белая пыль на полу у доски, слева от доски табель успеваемости — большой разлинованный лист с разноцветными треугольниками, — а справа карта Союза и на ней жирные извилины рек.

«Всё-таки хорошо!» — подумала Наташа.

В перемену Тася с увлечением сообщала разнообразные сведения об одноклассниках, хотя сама узнала их только на день раньше Наташи. Все у неё получились воображалками, зыскачками и зазнайками.

— Если будем вместе сидеть, — предложила

Тася, — за математику не бойся. Димка всегда выручит. А математик злой. Он и у мальчишек преподаёт. Мальчишек любит, а к нам придирается. Только к Вальке Кесаревой не придирается. Он зубрил любит.

— Разве мальчишки — зубрилы? — усомнилась Наташа.

— Ну, они другое дело, — неопределённо отозвалась Тася.

Математик заметно хромал на правую ногу. На груди у него была медаль «За оборону Сталинграда». Математик скомандовал: «Сесты!» — и девочки мигом опустили на парты, не двигаясь и не сводя с учителя глаз. Математик удовлетворённо погладил рукой бритый крутой подбородок и углубился в журнал. Пока он изучал в журнале фамилии, девочки не шевелились, поспешно пробегая глазами доказательства теорем.

— Кесарева! — вызвал учитель.

Кесарева прошла к доске, уверенно стуча каблуками. Она взяла мел и с весёлой готовностью приступила к объяснению теоремы. Иногда она оборачивалась к учителю, и её зелёные глаза возбуждённо блестели. Она загнулась на мгновение. Учитель поспешил к доске, заметно волоча ногу.

— Нет, нет, — возразила Кесарева. — Я сама.

— Хорошо, — сказал учитель. — У вас математический ум. Великолешно.

На задней парте встала смуглая большепотая девочка с тугими чёрными косичками над ушами. Она спросила, заикаясь:

— Ра-азве бывает математический и нематематический ум?

— Рассуждать, обобщать, создавать, — не задумываясь, объяснил учитель. — Вот что такое математический ум. Представьте себе... — он провёл на доске прямую и опустил на неё перпендикуляр.

Девочки с удовольствием приготовились представлять особенности математического ума, изображённые в виде геометрических линий, но это оказалось всего только новой теоремой. Учителю, видимо, нравилось озадачивать класс. Наташу развеселили странности учителя.

— Как его зовут? — спросила она.

Тася не шевельнулась. Она вперила в учителя неподвижные выпуклые глаза, изображая всей своей позой чрезвычайное внимание. Наташа увидела, что Тася шарит под партой ногой, вылавливая туфлю, которая каким-то образом уехала в передний ряд. Она охотно принялась ловить туфлю, не опуская, как Тася, напряжённого взгляда с доски. Вдруг математик взглянул в их сторону.

— Вы поняли?

Тася испуганно закивала, в это время Наташа обнаружила, наконец, туфлю и пол-

толкнула её ногой к Тасе.

Тася покорно вышла к доске.

— Ну, ну, — подгонял учитель.

— Берём прямую линию и опускаем на неё перпендикуляр. Образует квадрат, — каменным голосом произнесла Тася.

— Что такое?

— Трёхугольник.

— Что-о?

— Прямой угол.

Учитель прохромал от стола к окну и обратно. Он заставлял себя не волноваться.

— Что скажете дальше? — спросил он хмуро.

— Дальше опускаем ещё перпендикуляр.

— Как — ещё? Что за чепуха?

Тася кротко смотрела на учителя немигающими выпуклыми глазами:

— Проведём две линии,

— Какие линии?

— Вот эти.

— Нет этих линий! — закричал учитель, вновь охваченный раздражением. — Нет линий. Есть параллельные прямые. Понятно! Спивак!

Девочка с чёрными косичками над ушами вскочила, уронив в поспешности на пол учебник.

— Вот что такое математический ум, — трагическим голосом заявил учитель.

— Захар Петрович! — попробовала объяснить Тася.

Захар Петрович энергично обмакнул в чернильницу перо.

— Ставлю двойку. Вам тоже, — кивнул он на Наташу. — Если возражаете, милости просим к доске.

Наташа благоразумно не возражала.

— Я говорила, он зубрил любит, — грустно повторила Тася, возвращаясь на парту; она отметила галкой параграф в учебнике. — Никто не имеет права за новое плохо ставить. Он бы ещё меня на 205-й странице спросил!

Наташа несколько раз обёртывалась назад посмотреть, что делает чёрная Женя Спивак, тугие косички которой торчали над ушами, как метёлки. Спивак повернёт голову — и метёлки подпрыгивают.

«Напиши, когда ты вернулась в Москву?» — послала Наташа записку.

Ответ пришёл тут же: «Мы давно приехали, потому что бабушка заболела в чужом месте».

«У меня папы нет, а у тебя?» — написала Наташа.

«А у меня мама давно умерла, а папа на фронте, — ответила Спивак. — Мне хочется быть разведчицей, а тебе?»

Наташа помусолила карандаш, подумала и сообщила: «Я не знаю, кем мне хочется быть, только непременно героиней. З. П. мне не нравится, потому что он за мальчишек. А тебе?»

Наташа Тихонова.

Женя Спивак.

«Мне ничего. А ты злишься на него из-за двойки? Хочешь меняться интересными книжками?»

«Хочу. Я читаю в день по четыреста страниц», — вдохновенно сочинила Наташа.

Ответная корреспонденция заключала необъяснимую дерзость: «Хвастнула Федула и сделалась дура».

Наташа немедленно разорвала записки Сливача и углубилась в доказательство теоремы. Но теорема была непостижима.

Возвращаясь домой, Тася успокаивала себя тем, что Димка живо всё объяснит, получше Захара Петровича, надо будет только покрасивее переписать в тетрадку.

Наташа смеялась в припадке неудержимого веселья, но когда тугие метёлки исчезли за углом, сразу прекратила смеяться и сказала презрительно:

— Старше Димки на целый год, а корова бестолковая.

Тася, поражённая, остановилась:

— Тебе тоже двойку поставили.

— Моя двойка из-за тебя. Я твою туфлю искала.

— Всё равно. Если бы знала, что ты изменница, не пустила бы на парту.

Тася не желала больше идти вместе и остановилась посреди тротуара. Она с ненавистью разглядывала наташину спину и её притворную, неторопливую походку. Озадаченная чёрной неблагодарностью Наташи, Тася злилась даже на её стоптанные туфли.

— Ладно, — сказала она. — Подговорю Димку, пусть её мальчишки отлупят.

Наташа ни разу не обернулась. Она беспечно смотрела по сторонам и потихоньку напевала, но на самом деле ей было совсем невесело. Всё вышло плохо. Плохо, что она хотела подружиться со Сливачем, а Сливач её высмеяла, плохо, что ни за что обидела Тасю и в первый же день получила по геометрии двойку.

Наташа обдумывала, как поступить: сказать маме про геометрию или не сказать? Всякий раз, когда с Наташей случалось что-нибудь плохое, её непреодолимо тянуло сообщить о неприятности маме, потому что, признавшись, она сразу чувствовала облегчение и искренно верила, что провинилась в последний раз.

Вчера засиделись до поздней ночи, и мама рассказывала не о детстве, а о том, как работает на заводе. Мама работает на термообработке. В раскалённых печах обжигают снаряды. У мамы женский цех, и самой младшей из девушек — 16 лет.

— Моя любимица, — сказала мама.

Наташа ревниво насторожилась:

— За что?

— Хорошо работает, — ответила мама.

«Нет, нет, — испуганно подумала Наташа, — ни за что не скажу про двойку!»

Она медленно шла по тротуару, угрюмо глядя под ноги.

Она знала, что к концу четверти выправит отметки. Чтобы не доставлять маме и себе ненужных огорчений, Наташа решила про геометрию не говорить.

Впереди оставалось много свободного времени. С Таськой поссорилась, и готовить уроки не с кем, а своих учебников нет. Мож-

но делать, что хочешь: прокатиться на метро или просто ходить по улицам до самого вечера. Но оттого, что Наташа вольна была делать, что хочет, всё ей показалось ненужным и скучным.

II

Наташа сидела за партой и внимательно смотрела на Захара Петровича. Захар Петрович опирался на палку и своим собственным, остро отточенным мелком, который всегда носил в портфеле, чертил на доске углы и линии.

Захар Петрович доказывал новую теорему. «Обязательно пойму», — думала Наташа, морща от напряжения лоб.

Линии на доске были резки и чётки — такие линии не получались ни у кого из учениц. Захар Петрович говорил медленно и негромко и не спрашивал, понятно или нет, но иногда останавливался и, пристально посмотрев на класс, вызывал к доске именно тех, кто не понял.

Наташа слушала, и ей казалось, что вот-вот она уловит самое главное в рассуждениях Захара Петровича. Но вдруг обнаружилось, что новые доказательства вырастают из формул, не известных раньше Наташе. «Как же быть?» — подумала Наташа и украдкой смотрела по сторонам. Женя оперлась щекой на ладонь, и по её оживлённым глазам и чуть-чуть улыбающемуся рту Наташа догадалась, что Жене интересно. В среднем ряду, на соседней с наташиной парте, сидела невысокая девочка, с прямыми, как соломинки, немного лоснящимися волосами, зачёсанными за уши.

Это была Маня Шепелёва — усердница. Маня слушала, качала головой, что-то торопливо записывала и снова смотрела на Захара Петровича.

— Трудно? — шепнула Наташа.

— Ещё бы! — шепотом ответила Маня и отвернулась, чтобы не мешали.

Захар Петрович вызвал:

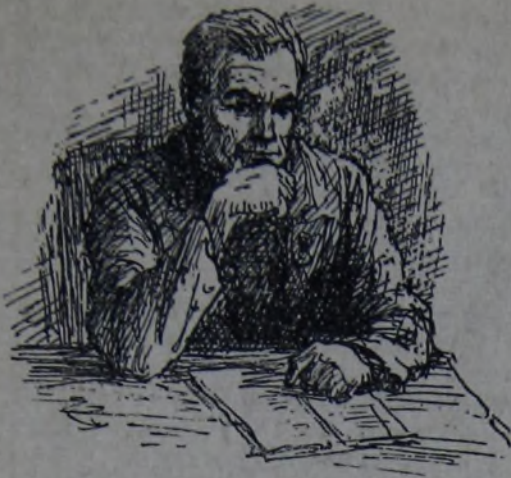
— Тихонова!

Наташу кольнул в сердце холодок, и она вышла к доске. Она взяла мел и начертила на доске фигуру, потому что помнила точно. Ей показалось, что получилось так же красиво, как у Захара Петровича. Дальше нужно было рассуждать. Наташа не умела делать вид, что знает, когда не знала. «Пусть!» — решила она в отчаянии и положила мел. Захар Петрович, который шагал по классу, опираясь на палку, сразу остановился и настороженно посмотрел.

— Вы плохо начали, — сказал Захар Петрович. — Ещё две-три непонятные теоремы — и вам будет трудно, Тихонова.

Потом к доске вышла Маня Шепелёва, и, хотя в классе было совсем тихо, Маня выкрикивала доказательства неестественно громким голосом, каким в жизни никогда не говорит. Когда Захар Петрович стоял около двери, она поворачивалась и следила за ним взглядом; когда он подходил к окну, она снова переворачивалась у доски, чтобы видеть его лицо.

— Спокойно, — сказал Захар Петрович и поморщился. — Не надо кричать. Хорошо, но если бы немного побольше своей догадки.

Захар Петрович, учитель математики.

Он всё же поставил Мане пятёрку.

А на французском Наташу спросили стихотворение, и она снова получила двойку. Маня с недоумением посмотрела на Наташу и быстро зашевелила губами, повторяя стихотворение.

Жестокая апатия овладела Наташей. Всё стало ей вдруг безразлично. «Если они в своих книжечках записали обо мне, что плохая, — подумала Наташа про учителей, — уж им не докажешь. Или доказать назло?»

Но и назло не получалось.

Прошло немного больше недели, и Наташа незаметно для себя совершенно запуталась. Никто не догадывался предложить Наташе учебники, а Наташа ни у кого не спросила.

Перед звонком Тася раскладывала на парте книги, аккуратно обёрнутые в газетную бумагу. В каждой книге была зелёная или красная закладка. Тасино хозяйство содержалось в образцовом порядке. Она закатывала глаза к потолку и вслух повторяла даты перед уроками истории. Она сбивалась всякий раз и путала даты так же, как названия рек. Тася обладала способностью смотреть на учителя неподвижными глазами в течение целого часа. Когда за уроками бывало особенно тихо, все наблюдали, как Тася не мигает. Выходя к доске, Тася придавала своему лицу особое, кроткое выражение, стараясь расположить в свою пользу учителя. Но у доски обычно у неё всё вылетало из головы.

Из всех учениц одна Валя Кесарева была способна ответить на любой вопрос учителя. Она не поднимала руки, когда поднимали все. Но если класс становился втупик, Валя спокойно и пространно объясняла то, чего никто не знал; иногда ей не удавалось при этом скрыть улыбку самодовольства. Валя Кесарева ревниво пересчитывала свои пятёрки. Она ежедневно под каким-нибудь предлогом поднималась на третий этаж и любовалась там своей фамилией на Доске почёта.

Когда кто-нибудь из девочек тоже получал пятёрку, Валя с беспокойством рассматривала другие их отметки в учётном листе. Вале Кесаревой нравилось быть украшением 7-го класса «А». Она не хотела, чтобы в классе появилось ещё одно украшение. Чаще всего ей приходилось интересоваться отметками Жени Спивак. Многие женины поступки были непонятны Вале. Если Женя опаздывала

на первый урок, она не придумывала уважительных причин, а просто признавалась, что проспала. На переменах Женя часто читала, заткнув пальцами уши, и тогда во время урока была невнимательна, проливали чернила и отвечала невпопад. Но однажды на уроке истории Женя рассказала о псах-рыцарях, Ледовом побоище и Александре Невском то, что никому не было известно. Учительница, покраснев от удовольствия, спросила, когда был образован Тевтонский орден. Женя не знала. Валя призналась себе, что не могла бы так рассказать, но зато уж не забыла бы даты. Она видела, что учителя выслушивают женины ответы с любопытством, с каким не слушают даже её, Кесареву.

Наташе Женя нравилась больше других. Наташа великодушно простила бы насмешку, если бы не была подавлена своими неудачами. Ей представлялось, что Женя и все остальные относятся к ней с пренебрежительной снисходительностью, как относятся к плохим и неспособным ученицам.

«Пусть!» — с вызовом думала Наташа. Приходя домой, она ложилась на диван вниз животом и, подперев кулаками щёки, читала книжки, стараясь не думать о школе.

Зинаида Рафаиловна, наконец, заметила Наташу.

— Тихонова! — наткнулась она на её фамилию в журнале. — Это не та ли Тихонова, — спросила Зинаида Рафаиловна, — у которой сестра Катя кончила перед войной десятилетку?

— Да, — ответила Наташа.

— Способная девушка, — уверенно сказала учительница. — Ты учишься не хуже Кати? — спросила она.

Тася хихикнула в ладонь.

Наташа не хотела обманывать Зинаиду Рафаиловну.

— Я не приготовила реки Западно-Сибирского края. У меня нет учебников.

— Как нет? А у других? У соседки?

Наташа промолчала.

— Неужели ты не нашла, у кого попросить книгу? — продолжала Зинаида Рафаиловна, с любопытством глядя на девочек. — Такие недружные? Каждый о себе? Как это плохо!

Зинаида Рафаиловна, казалось, была огорчена не столько наташиным отказом, сколько недружностью класса. Она с непонятной настойчивостью рассматривала девочек и не спешила начинать урок:

— Хотелось бы мне знать, что вообще вы думаете о дружбе?

Вопрос был столь необычен, что никто не решался ответить. Валя Кесарева не подняла руки: она считала себя обязанной знать то, что требуется по программе. Кроме того, она не любила философствовать. Сзади скрипнула парты, и все оглянулись на Женю Спивак.

Тася Добросклонова.

— В-оот краснодонцы, э-это дружба.

— Да, — ответила Зинаида Рафаиловна и пристально посмотрела на Женю.

— Но ведь о-они герои. Им бы-было из-за чего дружить.

— А вам?

Женя энергично тряхнула чёрными метёлками:

— У нас всё обыкновенно. Разве интересно дружить из-за уроков?

В перемену Тася предложила:

— Хочешь, дам учебники по всем предметам?

Наташа растрогалась и упрекнула себя в несправедливости к Тасе: только Зинаида Рафаиловна сказала про дружбу, и Тася сразу забыла о ссоре и хочет помочь.

— Не врешь? — на всякий случай выразила Наташа сомнение.

— Вот ещё! Интерес врат! Мама достала лишние. Хочешь? Только в обмен на книжки для чтения.

— Давай.

Тася принесла учебники, и торг состоялся.

Наташа не успела выучить все названия по учебнику географии, как в дверь раздался решительный стук и, не дожидаясь ответа, вошёл Дима, тасин брат. Он не вошёл, а ворвался. Глаза у него сверкали гневом. Он бросил на стол книги:

— Я бы разбил Таське нос, чтобы не торговала, да она здоровенная, с ней не справишься. Ну ладно, я Фёдку на неё напущу!

Наташе было приятно, что Таську проучили.

— Не стоит Фёдку напускать, — снисходительно сказала она, ставя книги на полку. — Таська и так, наверно, злится.

Наташа обрадовалась Диме, ей только очень не хотелось, чтоб он узнал, как она плохо учится и ни с кем не дружит и как вообще ей неинтересно жить. Наверно, у них в школе всё по-другому и дружат они не парами, а все вместе, и, если кто попал в беду, выручают целым классом.

— Как у вас там? — спросила Наташа.

— Так, ничего себе. Военный кабинет открыли. Круглосуточное дежурство и на посту с настоящей винтовкой. Мы с Фёдкой стреляем. Из пяти выбиваем пять. В Суворовское подали, да нас не приняли.

— Разве вы теперь хотите военными быть?

— А что, плохо? Артиллеристами. Захар Петрович говорит, что артиллерия — бог войны. Вот мы и сидим теперь над математикой. Потому что Захар Петрович говорит: без математики не может быть артиллерии.

Наташе опять показалось, что Дима живёт не обычной, будничной жизнью, а особенной, полной значительности, и всё, что он делает, ему интересно.

«Неужели я не могу то же, что он? — с горечью подумала Наташа. — Вот докажу, что могу. Пусть только сначала объяснит теоремы».

— Тут я на одной странице не очень понимаю, — сказала она небрежным тоном.

Дима хитро улыбнулся:

— А мне Таська говорила, что ты с двоек не съезжаешь. А Захар Петрович говорил:

мне, говорит, легче боевое задание с большой ногой выполнить, чем разницу между параллелепипедом и ромбом девочкам растолковать».

— Неужели так и сказал? — спросила Наташа, покраснев от негодования.

— Да, вроде этого.

— Хорошо. Я ему покажу, — с угрозой произнесла Наташа, насулив брови. — Давай, объясняй.

Ей уж теперь было безразлично, что Дима и его друг Фёдка Русанов узнают, как она плохо учится. Теперь она была оскорблена и полна гнева, досады и нетерпения. Дима снял пальто и кепку, подтянул потуже ремень гимнастёрки, откашлялся, чувствуя неожиданное смущение и даже опаску, — а вдруг не выйдет! — но, прочитав теорему, оживился и весело блеснул глазами. Наташа смотрела, как быстро бегают по бумаге карандаш, видела пересекающиеся линии и обозначения АВС, но так как она боялась, что не поймёт, и Захар Петрович окажется прав, и всё время думала об этом, то, действительно, не поняла. Она старалась не зареветь от разочарования и обиды.

— Ты тарахтишь, как нечаевская жнейка, — сухо сказала она. — Давай, я буду сама, а ты слушай и поправляй.

Дима с удивлением отдал ей карандаш.

Когда Тася просила объяснить теорему, у неё делался умильный и ласковый голосок. Тася не сердилась, если не понимала, и не радовалась, когда начинала понимать. Наташа сердилась и не просила, а нетерпеливо требовала. Но всё же Диме Наташа нравилась больше, и заниматься с ней было интересней, чем с Тасей.

Когда догадка, наконец, пришла к Наташе и решение геометрической задачи предстало перед ней в своей простой и бесспорной ясности, она от радости застучала кулаком по столу. Но она не дала Диме промолвить ни одного лишнего слова, торопясь понять дальше. С каждой новой теоремой Наташа впадала сначала в холодное отчаяние.

«Не выйдет! Эта уж ни за что не выйдет!» — мучилась она сомнениями, но старалась не обнаружить их перед Димой и молча грызла карандаш.

Дима нетерпеливо порывался помочь.

— Не смей, — сурово отказывалась Наташа. — Я сама.

— Ты уходи, — небрежно сказала она Диме, хотя боялась, как бы он в самом деле не ушёл. — Я, может, целый час буду думать.

— Думай, — ответил Дима. — Я подожду.

Ему было интересно, догадается Наташа или нет, и когда она догадывалась и шумно радовалась, Дима чувствовал себя почему-то тоже счастливым и удовлетворённым.

Они опомнились и оторвались от книги, когда по радио началась передача последних известий. Дима схватил пальто, жалея, что так внезапно кончился вечер.

III

На следующее утро Наташа проснулась без четверти девять. Она убедилась в том, что ей не везёт и лучшие её намерения всегда

ОТГАДАЙ!

Задача

Вот старинная задача из сборника французского математика Э. Люкаса «Баллада ретроградной улитки».

В один прекрасный воскресный день, ровно в 6 часов утра, улитка начала взбираться на вершину шестиметрового дерева. За день — с 6 часов утра до 6 часов вечера — она успевала подняться на 2 метра, а за ночь, засыпая, она спускалась на 1,5 метра вниз.

Спрашивается: во сколько часов какого дня улитка достигла вершины дерева?

Странное число

Если умножать число 142 857 на любое однозначное число (от 1 до 6), то произведение будет состоять из тех же цифр, в том же порядке, но начинаться будет с различных точек. Так, если умножать 142 857 на 3, произведение начнётся с 4 (428 571).

Не менее интересный ответ вы получите, если будете умножать на остальные цифры.

Где ты живёшь

Возьми номер дома, где ты живёшь, и умножь его на 2. Прибавь 5. Умножь на 50. Прибавь к полученному числу номер твоей квартиры (если номер квартиры — число трёхзначное, то прибавь число своих лет). Из полученного вычти 250. Остаток будет состоять из четырёх цифр: первые две будут номер твоего дома и вторые две — номер квартиры (или сколько тебе лет).

Прыжки со скакалкой

К. Градополов

Заслуженный мастер спорта

Девочки очень любят прыгать со скакалкой. Зато мальчики никогда этим не занимаются. Они считают, что скакалка годится только для девочек. И совершенно напрасно так думают мальчики. Если вы заглянете в боксёрский зал во время тренировки, вы увидите чемпионов бокса, прыгающих на ринге со скакалкой в руках. У боксёра должны быть сильные ноги, быстрые, лёгкие и эластичные движения. Эти качества он приобретает, прыгая со скакалкой.

Боксёр в бою всё время начеку: он внимательно следит за своим противником, подмечает едва уловимые его движения и заранее готов отразить нападение. Скакалка воспитывает у боксёра внимание. Стоит ему на минуту отвлечься от упражнения — и тотчас же нарушится темп прыжков и он собьётся.

На ринге побеждает тот, кто неутомим в бою и ведёт бой с начала до конца с неослабевающей энергией. Упражнения со скакалкой развивают в боксёре выносливость. Вот почему абсолютный чемпион СССР Е. Огуренков, который готовится выступить против сильнейших боксёров страны, во время тренировки каждый день прыгает 2—3 раунда (раунд длится 2 минуты) со скакалкой. И я очень советую вам, ребята, каким бы вы спортом ни занимались, прыгать со скакалкой каждый день по 2—3 раунда. Начинайте медленно, а потом ускоряйте темп прыжков и доведите до 120 оборотов скакалки в минуту. Вскоре вы сами увидите, как окрепнут ваши ноги и изменится походка.

Есть два основных способа прыжков: одношажный (во время одного оборота скакалки один поскок) и двушажный (один оборот скакалки — два поскока).

Некоторые боксёры делают и по три поскока за один оборот скакалки. Но этого сразу не сделаешь, тут нужна большая ловкость.

О том, как выбрать себе по росту скакалку и как прыгать, — читайте на четвёртой полосе

СОДЕР

Годовщина Октября.—С. Маршак	2 п. обл.
В дни великих побед.	1 стр.
Семиклассницы.— Из повести М. Прилежайевой. Рис. Б. Винокурова	2 "
Станция «Завод имени Сталина». — Стихи Елизаветы Тараховской	9 "
Неизвестные герои. — Рассказ Н. Богданова. Рис. Т. Мавриной	10 "
Мушкетёры. — Стихи Конст. Мурзиди. Рис. В. Цельмера	13 "

На обложке — рисунок

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. А.,
Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С.
Успен

Подписано к печати 30/X—44 года.

А5328. 82×110. 1/10 бум. листа.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Моск